

НАДЕЖДА ЕСТЬ!

А.А. Замостьянов, Москва

Московская школа № 1466 носит имя Нади Рушевой. Случай уникальный, ведь Надя — наша современница. Тут есть, о чём вспомнить.

В панельном районе...

Пожалуй, это самая грустная из московских сказок. Впрочем, дети шестидесятых годов хорошо знали, что сказки бывают грустными. На своих раскладных кушетках в типовых квартирах опрятных пятиэтажек они читали Андерсена и Гайдара. Девчонки играли в куклы, которые умели произносить слово «ма-ма», а ещё превращаться в добрых подружек и сказочных принцесс. Мальчишки водили в бой солдатиков. И не было более стойких героев, чем раскрашенные и выцветшие металлические «кремлёвские часовые» в шинелях и будёновках. Старшие говорили, что в новых «панельных» районах дворы «не те», «не тот боржом», вот в старых кварталах, в каменных мешках и скверах — вот там было раздолье для детских ватаг. А всё-таки беспорядочные, холмистые, лесистые дворы спальных окраин шестидесятых были прекрасны! С двух часов дня, когда заканчивались уроки, и примерно до пяти часов, когда со службы начинали возвращаться взрослые, эти районы принадлежали детям. Стойкие солдатики и сказочные принцессы, одетые в школьную форму, то чинно прохаживались, то играли в футбол, в салки и прятки. Зимой во дворах водружались снежные бабы, а о деревянные бортики громко стучали шайбы. Это был не виртуальный мир со своими интригами и подвигами,

с великодушием и хитростью, с открытиями и разочарованиями. Славный справедливый мир в декорациях белых пятиэтажек с палисадниками. Вровень с «хрущёвками» вставали деревья. Рядом подрастали и десятиэтажные башни — белые и желтоватые коробки.

К чему эти присказки про город шестидесятых? Да просто я уверен, что талант Нади Рушевой мог и должен был раскрыться только в третьей четверти XX века и только в панельном городе, таком, как окраинная Москва!

Тысячи девочек в школьных тетрадках и блокнотах рисовали чьи-то романтические профили, дам в огромных старинных платьях, стройных балерин. И должен был появиться кто-то самый одарённый и одухотворённый, кто превратил бы эти рисунки в искусство, кто показал бы самое прекрасное, что зацветало в душах этих девчонок... Для этого нужно усилие души, сравнимое с подвигом космонавта. Это сумела сделать хрупкая девочка.

В годы войны, в годы послевоенных невзгод в цене были суровость, стоическое терпение, практицизм, эпическое отношение к жизни и смерти. После этого закономерно настало время советского сентиментализма. Новая эпоха отвергала железный порядок, восхищалась мечтательностью учёного, поэта, художника — физика и лирика.

Преклонялась перед талантами, училась видеть в ребёнке личность. Выяснилось, что человек прекрасен не только великими свершениями, но и высокими чувствами. Реабилитировали сентиментальность. Когда Илья Эренбург выступил с тезисом: «Человеку и в космосе нужна ветка сирени!», самый угрюмый из секретарей ЦК М.А.Суслов оттаял: «Спасибо, что заступились за ветку сирени!».

...Мир Нади Рушевой — московский район Царицыно, носивший тогда архисоветские названия — Ленино, Пролетарский район. Парк, живописные развалины екатерининского барокко и новостройки. Невзрачные, но благородные, как честная трудовая копейка. Утончённое искусство, прозрения, поэзия — всё это за панельными стенами расцветало вольнее, чем в куртуазных усадьбах. Из окон царицынской новостройки можно было увидеть и героев Пушкина, и мистерии Булгакова, и правду о Ленинградской блокаде. Необходимо лишь то самое усилие души.

В таких же новостройках жила героиня кукольного мультфильма «Варежка», который почему-то то и дело вспоминается, когда рассматриваешь рисунки Нади Рушевой, и не только тот, где изображена девушка с собакой. В этом мультфильме 1967 года — доброта, наивность и мудрость. Талант Рушевой в 1967-м расцветал под сентиментальные фортепьянные марши из «Варежки», под размышления о «Мастере и Маргарите». Журнал «Москва» с булгаковским романом был в библиотеке нарасхват. Не рано ли Наде читать эту книгу? Там и эротизм, и безысходность, и нежелательные для комсомольцев религиозные мотивы... А у неё получилась целомудренная и точная трактовка романа.

Надя быстро читала и быстро проникалась искусством. Её душа была готова к сильным художественным впечатлениям, способна выдержать их и превратить в образ.

Первая серьёзная публикация в двенадцать лет — и громкий успех. И снова не уйти от разговора об эпохе, потому что это журнал

«Юность», без которого третью треть советского XX века и представить невозможно! Надя была читателем журнала и стала его автором. Рисунки Нади приметил Борис Полевой. В «Юности» он устроил первую её выставку. В следующем году Надя уже иллюстрировала повесть Эдуарда Пашнева «Ньютоново яблоко», опубликованную в «Юности». Надей восхищаются, сам Иракий Андроников называет её «Пушкиниану» гениальной! Юная художница поразила, восхитила Советский Союз.

Успех! А где же конфликт горделивого юного гения с беспощадным коллективом, с рутинёрами-учителями? Не было ни горделивого гения, ни конфликта. Родители Нади — служители искусства, а не богемные повесы, на редкость мудро воспитали дочь: она не стала записной знаменитостью, умела быть дерзкой в работе и незаносчивой с ровесниками... В те годы всех учили скромности — в семье и в школе. Но искушение медными трубами выдерживали немногие, особенно в юности.

Надя чувствовала свою эпоху. Она была современницей Ю. Гагарина, В.Сухомлинского, С. Образцова. И это не случайный перечень блистательных имён. Фломастер — это тоже символ шестидесятых годов. Ценная вещица по тем временам!

Один из её рисунков называется «Модники на Калининском проспекте». Там нет Калининского проспекта, есть только модники, преподнесённые с иронией. Но архитектурный символ Москвы шестидесятых здесь необходим, он многое объясняет! Это метка времени, перекрёсток смыслов.

Сегодняшний день воспринимался как стартовая площадка для чего-то лучшего, для мечты. «Я работаю для будущих людей». Больно, стыдно нам читать эти слова Нади. Из нас не получилось «будущих людей». Жёлтый дьявол и его собратья другой расцветки оказались сильнее.

Корыстолюбие и мелкое тщеславие оттеснили на задворки тех, кто, как Надя, «горел дотла» и считал, что нельзя жить «только для себя» (в кавычках её слова). Но разве можно верить, что так будет всегда?

Пьер Безухов и Мальчиш-Кибальчиш

Саму Надю воспринимали как человека из будущего. Из светлого Завтра, которое будут населять одухотворённые творцы. В подтексте восторженных слов о Наде звучало: такие будут при коммунизме. Миллионы людей полюбили её безо всякой «фабрики звёзд», потому что увидели в Наде, на что будут способны наши дети и внуки в «светлом будущем». Важно, что при этом Надя была далека от стереотипов, от конъюнктуры, от шаблонов, в том числе и от советских шаблонов. Долой шаблоны! Зато всё высокое, светлое, что создавала в людях советская власть, возникало на кончике Надиного фломастера...

Русская советская цивилизация была литературоцентричной. Сегодня это ушло, рассеялось, теперь наша русская классика от нынешних школьников дальше, чем античность... А в Надины времена про Древнюю Грецию школьники узнавали не из компьютерных игр, а из отменных пересказов Куна, Каллистова и Лурье. Их не только отличники читали. А уж Пушкин и вовсе был религией читающей России. Надя работала и с греческими мифами, и с Экзюпери, и с Шекспиром... Она была первым иллюстратором «Мастера и Маргариты». Пожалуй, сильнее всех художников на неё повлиял Пушкин — не только поэт, но и рисовальщик. Пушкин Рушевой впорхнул в серьёзные книги о поэте. Она мечтала работать в мультипликации, а мультфильм тоже начинается с книги, со сценария...

Она из того времени, когда читать умели так, как никогда ни до ни после. И дети порой не уступали взрослым в читательской одержимости. Дети бывали изысканными читателями! Откроем дневник Николая Рушева, отца: «Сегодня Надя рассказала нам о споре. На перемене между уроками она спросила своего учителя по литературе Николая Петровича Ярмольского: «Кто из героев прекраснее — князь Андрей или Пьер?» Николай Петрович,

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

вернувшийся с Великой Отечественной войны в чине старшего лейтенанта в орденах, ответил, что его идеалом всегда был князь Андрей. Надя возражала: «Какой же он герой, если отец запретил ему жениться, если он подверг любимую Наташу годичному испытанию и при первой же ошибке — вернул её письма... Это не по-рыцарски. Он храбр, но это долг каждого солдата. А вот Пьер — он герой. Никто не призывал его на Бородинское сражение, в самое пекло, на батарею Раевского! Никто не упрашивал его спасти ребёнка из огня и женщину от грабителя-француза. За это он под расстрел угодил... И когда Наташе было очень плохо, то он один её поддержал...». Она умела думать о литературе всерьёз. И в этом главная причина обыкновенного чуда Нади.

Мы видим типовую школу из двух корпусов, в такой преподавал историю Илья Семёнович Мельников в фильме «Доживём до понедельника». Здесь Надя училась, а теперь школа носит имя Нади Рушевой. Сюда Надя собиралась, с вечера выгладив школьную форму. У нас возник стереотип: музеи должны располагаться в особняках с колоннами и лепниной. Но искусство рождается и живёт и в типовых кварталах. И ему там хорошо дышится, если у детей горят глаза. Поэтому школьный музей Нади уникален и необходим. В музее работают люди, не умеющие мыслить приземлённо. Надя научила их воспринимать мир как чудо, как ежедневное открытие. Такова Наталия Владимировна Усенко, учительница литературы, не умеющая равнодушно тянуть лямку. Музей для неё не должностная обязанность, а творчество и чудотворство. Она больше всех сделала для того, чтобы искусство Нади Рушевой перешло в XXI век. Для этого каждый день приходится взламывать ледяное равнодушие, эту напасть нашего пресыщенного времени.

В музее сотни рисунков Нади — подлинники и копии. Под портретом

Мальчиша — автограф космонавта. Тридцать лет назад Георгий Гречко написал эти слова: «Дорогие ребята! Творчество Нади Рушевой пленило меня ещё тогда, когда она была ученицей вашей школы. Мальчиш-Кибальчиш Аркадия Гайдара и Нади стал поэтому нашим спутником в космическом полёте. Пусть и для вас станут примером смелость, верность Мальчиша и неустанное творческое горение Нади!».

Музей начали создавать ещё в 1971-м году. Экспозиция разместилась в спальне группы продлённого дня. Как не похож этот музей на мероприятия «для галочки». Здесь не исчезает дух творчества, и школьники раскрывают себя, работают над выставками, трудятся и видят результаты своего труда. В школе выходит журнал «Кентавренок». Для многих ребят из «рушевской» школы Надя стала идеалом. Наталья Владимировна Усенко рассказывает:

— В музее много традиций, которые мы стараемся сохранить и приумножить. С годами работа, связанная с экспозицией, вышла за рамки музейной: изучение жизни и творчества Нади вдохновило ребят и педагогический коллектив на собственные проекты. У нас регулярно проходят конкурсы и выставки рисунков, вечера памяти Нади Рушевой, есть спектакль о юной художнице, поставленный силами учеников и педагогического коллектива. На базе музея проводятся уроки литературы и искусства, что позволяет сделать обучение нестандартным, наглядным, живым. Мы считаем, что работа школьного музея помогает воспитанию культурных ценностей, созданию высоких нравственных идеалов, формированию образа жизни, достойного человека, воспитанию внутренней устойчивости личности, упрочению связей поколений, объединению семьи и школы. А также повышению уровня познавательных способностей детей, развитию общеучебных навыков, повышению уровня самооценки ребёнка.

В рушевской школе умеют беречь исторические реликвии. С каждым десятилетием они становятся всё важнее для нас, как память о тех людях, которые были светлее нас, выше взлетали, сгорали и согревали... Их тепла хватит

надолго, если мы про них не забудем. В Надином детстве все школьники бывали во МХАТе на «Синей птице» Метерлинка. «Когда мы вспоминаем о них, они оживают», — эти слова Метерлинка годятся для стенда рушевского музея.

Мы окружены синтезаторной музыкой и компьютерной живописью. В мире фотошопа особенно остро ощущается уникальность таланта Нади Рушевой. Там работа души, прозрение, там рука, в которой пульсирует жизнь. Человек, а не компьютер! Человек книги, а не чата. Книгу можно читать и на электронном носителе, главное сделать усилие и прочувствовать душу творца.

Героем Нади был Пьер Безухов. Возьмём на заметку!

Если бы...

Третья четверть XX века... Между нами и Надиной эпохой пролегла академическая дистанция, и лучшие художники, музыканты, писатели того времени превращаются в классиков, то есть в наших вечных современников. Нам ещё долго предстоит разгадывать это время, о котором приходится грустно вздыхать: «Если бы...» Никогда взлёты и падения не соседствовали так близко! Первый шаг в космос — и гибель в обыкновенном тренировочном полёте... Великое оказывается хрупким. Что это — гибель нибелунгов? Если бы всё сложилось иначе! Вот уж действительно: «Только бы нам ночь простоять да день продержаться»... Мы не продержались, и рушевский Мальчиш с годами стал грустнее. Смерть в семнадцать лет — что может быть трагичнее для родных и близких? Прошло тридцать лет и три года, и сегодня яснее, чем прежде, что с уходом таких святящихся, зажжённых людей, как Надя, мы потеряли мечту. И всё-таки когда-нибудь рисунки Нади снова оживут, станут необходимыми для тысяч равнодушных людей. Надежду даёт нам лучший московский школьный музей. Между прочим, таков и девиз музея — «Надежда есть!». ВШ

